Пиво. Один из самых многообещающих начинающих драматургов последних лет, чья репутация росла день ото дня. Шейнинг появился как комета около трех месяцев назад, и каждый написанный им сценарий был хорошо принят публикой. Мужчина состоял на должности драматурга театра Фунес, популярного среди молодежи. Хотя он и был новичком, его быстро признали за гениальность, и его работы было решено поставить в больших и малых театрах столицы.

Довольно необычно, что молодой автор достиг такого уровня еще до того, как стал известен широкой публике. Конечно, это означало, что у него была сильная поддержка, но все-таки это было бы невозможно без его собственных навыков. Выдающийся талант и творческий потенциал автора хотели заполучить различные театры, после появления первых работ Пива «Трапеза в летнюю ночь» и «Пареный рис».

Последнюю же, еще не опубликованную работу - «Орео и хлопья», представили для прочтения Его Величеству Лукасу.

- Орео. Почему именно Орео? Если посмотреть на твое собственно имя… Чем ты, черт возьми, руководствовался, когда называл пьесу?

Лукас, не особо вдумчиво читавший сценарий строка за строкой, никак не мог не нахмуриться при виде названия произведения, происхождение которого оставалось неизвестно.

- Я сначала подумал, что мне показалось, но нет, здесь действительно написано «хлопья».

По сравнению с блестящим талантом драматурга, способность давать своим работам название, вызывала только жалость. Лукас покачал головой и пролистал другие сценарии.

- Как и это. «Трапеза в летнюю ночь» история же не вокруг еды крутится, верно? Учитывая концовку, не лучше ли было бы изменить название, например, на «Сон в летнюю ночь»?

Атмосфера становилась все более накаленной. Труппа, неподвижно стоящая рядом с императором, синхронно побледнела, по спине каждого стекал холодный пот, недовольство императора – явный признак неприятностей.

- Я тоже предлагал ему поработать с названиями, но Шейнинг сказал, что именно муза драматурга дала его работе такое необычное имя.

- Что ты имеешь в виду?

- Гении, погруженные в свой собственный мир, часто говорят вещи, которые никто не понимает. Как бы я не умолял, он никак не перестает использовать еду в названиях.- Главе труппы оставалось лишь беззвучно плакать от невозможности перебороть упрямство идейного драматурга.

Но даже несмотря на этот досадный недостаток, мужчина боялся упустить молодое дарование, который ничем не отличался от курицы, несущей золотые яйца.

- Есть и позитивная сторона, необычные названия быстро становятся горячей темой для обсуждений.

- Это не продлится долго.

Лукас, погруженный в раздумья, постукивал пальцем по сценарию перед очень нервной

труппой, но затем, внезапно, рассмеялся. Император пришел не за шедевром века, поэтому и завышенных ожиданий у него не было.

Независимо от того, насколько весела вещь, однажды она наскучит обществу, ибо мода меняется едва ли не быстрее, чем ветер. Чего хотят люди, так это чего-то нового и свежего, что соответствует их вкусу. Потому что в мире много талантливых гениев.

- Отлично. Вы хотите сказать, что все эти работы вышли подряд всего за три месяца работы? Странно, что их заметили не сразу.

- На самом деле, я тоже об этом думал. Все три работы были представлены вместе, но я даже не думал, что они так сильно понравятся публике.

Глава труппы рассказал все что слышал о дебюте Шейнинга. «Конечно, я знал, что работы будут успешными. Что вы обо мне думаете?». Последнее, естественно, не озвучивалось.

- Так это труппа Фунес? Хорошо, я поддержу вас.

Лукас принял решение очень легко, не потрудившись встретиться с драматургом лично, с первого взгляда было понятно, что оно того стоило.

- Удивительно, что это вышло из головы одного человека.

Работы молодого автора деликатно изображали человеческие эмоции и страдания, что искренне нравилось Лукасу, особенно те, в которых шла речь идет о патологически страстной любви. Критика социальной системы включалась аккуратно и понемногу, что так же не могло не вызывать симпатию, этого было достаточно, чтобы люди относились к ней с энтузиазмом, пока она не переходила рами дозволенного. При таком раскладе, необычное название было лишь незначительным недостатком, который можно было списать на причуды творческой натуры.

- «Пареный рис» - даже неплохо звучит.

- Верно, когда я впервые увидел его, мне показалось, что это довольно сложное и мощное название.- Протараторил излишне взволнованный глава.- Но когда я похвалил его, Шейнинг спросил «Что вы несете?...».

Это звучало довольно вызывающе. Зачем быть настолько подозрительным к похвале, если вы сами дали своей работе такое название? Для адептов творчества не было чем-то необычным давать работам броские имена и описания, а затем оплакивать последствия.

- Я хочу встретиться с ним.

- Если Ваше Величество прикажет, я приведу его сюда сию же секунду.

Лукас кивнул и жестом велел всем присутствующим удалиться. Члены труппы сбегали из комнаты так быстро, как только могли, когда молодой музыкант, который в последнее время был самой горячей темой среди аристократов, гордо появился в зале.

Его частные выступления приходилось ждать месяцами, говорили, что дворяне стояли в очереди, чтобы взять у него уроки игры на фортепиано. Мужчина происходил из скромной семьи, но был полон страсти и амбиций настолько, что произведения, которые он написал, заслуживали похвалы независимо от социального статуса композитора.

Лукас откинулся на спинку трона и сурово посмотрел на склонившего голову молодого человека сверху вниз.

- Я - Моцарелла.

- … Это твое настоящее имя?

- Это псевдоним, я отбросил старое посредственное имя.

Любое посредственное имя было бы лучше, чем нынешний псевдоним.

- Похоже, я совсем отстал от нынешних тенденций.

Император не проявлял ни капли интереса к творческой, отдавая все внимание военному делу, а за это время, все успели сойти с ума. Лукас решил поддержать Моцареллу, но внутри был полон решимости положить конец этой странной тенденции.

Герцог Ламберг даже не стал вмешиваться в выбор театра, который Его Величество собирался представить публике, предоставив Лукасу полную свободу выбора.

На самом деле, Бенджамин, должно быть, заметил тот факт, что Лукас, который всю жизнь отдавал приказы дворцовой прислуге, все больше и больше злился от того, что им постоянно командуют. Весьма вероятно, что расчет герцога состоял в том, чтобы дать мужчине самостоятельно выполнить максимально простую часть плана.

***

Благодаря информации от Седрика, Лукас немного смягчил свой неприятный характер. Он приглашал талантливых людей в императорский дворец, независимо от того, была ли это литература, музыка или изобразительное искусство.

Но что самое «удивительное», Лукас, как и подобает члену императорской семьи, хорошо разбирался в искусстве, и, похоже, ему самому это нравилось. Если бы я не прочитала об этом в оригинальной истории, то никогда не поверила в зарытую в глубине того, что должно было быть душой, тонкое чувство прекрасного. Хотя театральное искусство, литература и музыка были базовыми знаниями аристократов в этом мире.

- Э-э… Оно было похоже на это…

Я поочередно нажимала на клавиши фортепиано, пытаясь по памяти воссоздать хотя бы что-то отдаленно похожее на мелодию. Это была соната Бетховена, которую слышал любой современный человек. Музыканты, жадно слушавшие мои жалкие потуги, в едином порыве начали рисовать на нотном стане черные точки, периодически перекидываясь между собой парой слов. Это было удивительно, независимо от того, сколько раз я это видела.

Это и называется «абсолютный слух»?

Я не ожидал многого, хотя они и были наняты по рекомендации Мартины, но каково же было мое изумление, когда я узнала, что все эти талантливые люди не были широко известны публике. Почему Мартина представила мне таких талантливых людей? О чем я собственно ее и спросила.

Я не могла быть на 100% уверенна, что смогу оплатить услуги гильдии, единственное, что я

могла дать лично от себя – это мои знания из прошлого мира, в том числе и об искусстве. Я рассказывала Мартине во что и когда нужно инвестировать, и мои слова подтвердились, благодаря чему гильдия взяла под свой контроль несколько отраслей промышленности.

- Благодаря тебе я заработала много денег, так что позволь мне отплатить тебе хотя бы так.- Вот так Мартина активно поддерживала мой «плагиат» художественной деятельности.

- Вы гений!

- Как, черт возьми, вы создали эту мелодию! Это похоже на отражение полной луны в озере.

- Это соната любви. Я чувствую сожаление из-за того, что хочу провести остаток своей жизни со своим возлюбленным в «мелодии».

Сказанные слова похвалы вызвали в мой душе волну вины. Дело было не только в создании основы для поимки трех несчастных братьев! Если бы я сбила их с ног, я бы уничтожила все плагиатные фрагменты, настолько тщательно, что не осталось бы ни малейшего следа!

- Вы собираетесь отдать это произведение на имя Ен-э?

- ... Нет. Пожалуйста, в этот раз это будет композитор Ватобан.- Сказала я, затыкая ладонью скулящую совесть.

Я интересовалась литературой, так что каким-то чудом мне удалось выжать из себя воспоминания о знаменитых произведениях. Некоторые сюжеты я запомнила до мельчайших подробностей, могла даже процитировать некоторые строки, а вот с музыкой возникла проблема. Я знала лишь несколько простых мелодий, так что о глобальном сочинительстве и речи не шло, у меня не было другого выбора, кроме как обратиться за помощью к другим людям. Кроме того, моя память медленно подходила к концу...

Я положила голову на фортепиано и бессмысленно нажимала на клавиши. Ко мне со спины тихо подошел Феликс и, наклонив голову, спросил:

- Ты умеешь играть на фортепиано?

- Ну...

Обычно дворяне осваивают по крайней мере один инструмент в качестве базового образования. Но в случае с Айрин Эмбер, у семьи которой не было денег даже на академию, это было бы странно. Вместо того, чтобы разглагольствовать перед Феликсом о том, что я из другого мира, я сменила тему.

- А что насчет Фела?

- Я действительно учился.

- Этот ответ можно толковать по-разному.

Он положил палец на клавишу рядом с той, на которую нажала я. Как только она опустилась, послышался жалобный треск, в сопровождении с которым нежная нота была больше похожа на отчаянный визг фортепиано.

- Мне это очень нравилось. Ощущение нежного прикосновения к фортепиано... Мне кажется, я думал, что каким-то образом утешал себя.

- Правда?

- Да.

Феликс спокойно посмотрел на свою руку.

- А сейчас тебе нужно какое-нибудь утешение?- Спросила я, естественным движением накрыв его ладонь своей.

Я все еще опиралась головой о фортепиано, когда закатила глаза и посмотрела на Феликса.

- Сейчас…- Пробормотал он, смотря на меня сверху вниз.- Я не знаю нужно ли это? - прошептал Феликс, словно задавая вопрос самому себе. Приближалась полночь, и только несколько свечей на камине опасно мерцали в темноте. Мужчина проследил за язычками пламени взглядом, а затем пробормотал:

- Мне нужно утешение прямо сейчас.

http://tl.rulate.ru/book/96869/2057036